

Бах Из сборника "По реке времени"

Меня тогда здорово бабахнуло. А эта клуша даже не потрудилась выяснить, выключен ли из сети миксер, который она сунула мне чинить. Я его развинтил, что-то в нем коротнул...

Захожу в комнату. Там — какой-то хмырь опухший. Глазки узенькие. Лет за полтинник. Сидит у меня в кресле и лыбится. Ну не наглость?! В моем любимом кресле, возле компа. Не то чтоб это был какой-то навороченный Pentium III, но мой рабочий пенек. Какого хрена ему здесь надо?

Говорит по-немецки. Я его ни фига не понимаю. По-английски спрашиваю — "Нихт ферхштейн" в ответ. Я, я, натюрлих. Я быстренько инсталю себе в комп переводчик и набираю: "Ты кто такой?". Этот тип несколько оторопело смотрит на монитор, а потом выдает мне: "Их бин Йохан Себастиан Бах". Слава богу, что не Бэлла Горячкина! Композитор!

Я понимаю, что тип явно гонит, но уж больно сходство портретное... Дело в том, что вчера мы с Лехой до утра страдали разной фигней. Навалили кабацкий текст, про то, как у мужика без чувихи крыша едет, слепили пару стандартных каденций. Получился хит местного значения. В итоге Леха оставил у меня свои клавиши — "Ensoniq TS10", тачка по тем временам довольно крутая. Стоила кучу баксей, чтоб ее по ночи таскать — мир не без добрых людей. А ну, говорю, композитор, покажи себя. "Мурку" сбаци. Выставляю ему из стандартной библиотеки звуков клавиесин и беру пару аккордов. О! Тут чувака и пробило: подскакивает к клавише и не может догнать, откуда такие божественные звуки. Он на корпус пялится, аж глазки свои разул — не въезжает, наивный, что звук — из колонок. Разве что на зуб не попробовал. Ничего, старина, привыкай к современной технике. Долго его уговаривать не пришлось: сел как миленький и стал чего-то наяривать, что-то очень трехголосное, аж меня начало растаскивать. Леха, когда прикалывался, объяснил принцип полифонии: это когда начинается классная тема, идет обалденный музон, а потом подключается второй и третий голоса, начинают подвдвигать поперек и наламывают весь кайф от первого. Так, в принципе, воспринимает музыку большинство населения.

Но мой Иоганн не из таких. Весь аж красный, парик на фиг скинул: "O, mien Gott! Sehr gut!" — знай себе играет. Играет, конечно, офигенно. У меня уши — трубочкой. Дыхнуть боюсь. А тут он вдруг остановился и кивает

мне на кнопки, для чего, мол, они, и на дисковод косится. Я ему тогда тогда выставляю засэмпованные скрипки, такие, что канифоль слышна на каждом волоске, гитару "Nylon strings", мужские, женские хоры. Смотрю, он забалдел, уже сам тычется кнопки нажимать, тембры пробовать. Я ему пятое через десятое, половина на пальцах, что-то по-итальянски, типа там, mezzo forte, non legato, bravo bravissimo, должен же человек понимать. А чувак дорвался до кнопок, нарыл-таки себе Church organ и забалдел доминорную пассакалию, мою любименькую, по моей же просьбе. Я там и высох.

Правда, успел включить запись и приличный кусок закатал на диск. Потом, когда он кончил играть, я это дело тут же прокрутил для полного счастья. У чувака чуть инфаркт не случился. Я ему даже пятьдесят грамм капнул, чтоб он немного в себя пришел.

— Ja, ja, Schnaps ist gut!

— Да, да, Иван Севастьянович. Огурчик бери, родной ты мой. Не побрезгуй.

Потом я ему ставил си-минорную мессу с компактa. Вижу, чуваку нравится. Глена Гульда ему крутил, Маленькие прелюдии и фуги. Смотрю, он в некоторых местах пожал плечами. Потом бровями повел наверх, лыбу скривил и закивал головой, мол, а почему бы, собственно, и нет? Много чего я ему крутил. Франка, Равеля, Оскара Питерсона. Малер, я заметил, ему не пошел. На Шенберге он уже начал откровенно плевать. Это вы зря, батенька, так сплеча рубите. Тут тоже свой кайф есть. А Петр Ильич ему пошёл. Потом смотрю, уже пошел некоторый информационный перегруз, восприятие притупилось. Я тогда поставил что-то высокоинтеллектуальное, типа Тани Булановой, чтобы мозги отключить. Под пельмени получилось замечательно, хотя по его высказываниям я понял, что в ихних немецких кабаках музыка была позадороже. Удивительно, как это его проперло на джаз. Он мне тыкал пальцем в компакт Элингтона и чего-то там нахваливал. Потом мы о чем-то еще свистели. Он меня выпрашивал, а я не знал, что ему рассказать. И с немецким — лажа, да и потом, как ему все объяснить, если я сам не очень хорошо понимал, на каком свете нахожусь. Про историю я его вообще не стал грузить. На фиг ему Гитлер, мировые войны и вся эта гадость с Чернобылями в придачу. Он даже понашему что-то пытался сказать. Нормальный интеллигентный чувак.

Скоро, правда, нашу идиллию нарушили: слышу, как распахивается входная дверь и заваливает делегация корешей, а с ними — сквозняк по ногам. Я им ору, еще не зная, кого там черти принесли:

— А двери, что, Пушкин закрывать будет? Мало того, что вламывае-
тесь, как к себе домой, так, небось, и ноги не вытерли!

Тут они заходят к нам в комнату: с припылздом! Александр Сергеич
пытается снять свою крылатку и оправдывается, что, мол, там сзади еще
Антон Павлович Чехов и Дед Пихто, вот, мол, пусть они и закрывают.

— Ну, — говорю, — ты и Достоевский!

А он мне: — Достоевский чуть позже подойдет, его послали через магазин.

Должен отметить, что Антон Павлович нам очень помог: его немецкий
оказался выше всяких ожиданий. Их там в гимназиях конкретно учили,
а не отбывали номер, как у нас. Так что, посидели очень неплохо, но когда
появился Федор Михалыч, стало так жарко, что хоть святых выноси, про-
сто голова пошла кругом, и дальше я уже даже не упомяну.

